

ВСТУПЛЕНИЕ

«И познаете вы истину, и истина сделает вас свободными». Евангелие от Иоанна, глава VIII, стих 32.

Надпись в вестибюле штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли

«Американская политика 80-х годов явилась катализатором краха Советского Союза», — говорит Олег Калугин, бывший генерал КГБ. Евгений Новиков, когда-то принадлежавший к высшему эшелону власти ЦК КПСС, утверждает, что политика правительства Рейгана была решающим фактором, приведшим к агонии советской системы социализма. Вывший советский министр иностранных дел Александр Бессмертных на конференции в Принстонском университете сообщил, что такие программы, как Стратегическая оборонная инициатива — СОИ {Strategic Defense Initiative — SDI), ускорили развал Советского Союза.

Советский Союз исчез с карты мира отнюдь не в результате процесса реформ или вследствие сложных дипломатических переговоров и заговоров. Анализ причин развала Советского Союза вне контекста американской политики напоминает расследование по делу о внезапной, неожиданной и таинственной смерти, где не берется во внимание возможность убийства и даже не делаются попытки изучить обстоятельства данной смерти. Но даже если жертва была больна неизлечимой болезнью, следователь обязан изучить все возможное. Что явилось причиной смерти? Дали жертве лекарства, которые в нужное время могли бы ей помочь, или не дали? Не было ли каких-либо необычных обстоятельств, сопутствовавших этой смерти, или каких-то непривычных вещей, с ней связанных.

Тот факт, что крушение и похороны Советского Союза произошли после восьмилетнего правления самого яркого антикоммунистического президента в истории Америки, ни о чем не говорит. И все же это требует весьма пристального рассмотрения, по крайней мере в свете обстоятельств и доказательств, появившихся лишь недавно. Хотя на сегодняшний день связь между политикой Рейгана и крахом Советского Союза мало изучается. Некоторые считают, что между американской политикой 80-х годов и крахом Советского Союза существует незначительная связь или ее почти не существует. Вот как это сформулировал в телепрограмме «В Вашингтоне» Штроб Тальбот: «С точки зрения Кремля разница между консервативной республиканской администрацией и либеральной демократической администрацией была не так уж велика. Советский Союз распался — и «холодная война» почти сразу же закончилась в результате внутренних противоречий или трений в самом Советском Союзе и всей социалистической системе. Вероятнее всего, это произошло бы и в случае, если бы на выборах снова победил Джимми Картер, а вместе с ним и Уолтер Мондейл».

Бывшие советские политики не разделяли этой точки зрения. Политика администрации Рейгана по отношению к Советскому Союзу во многом радикально отличалась от прежней. Ирония точки зрения тех, кто сегодня считает незначительным влияние американской политики на внутренние дела Советского Союза, в том, что в 70—80-е годы они предлагали вести по отношению к Кремлю политику уступок. Рейгана называли «лихим ковбоем», который мог нас всех привести к краю атомной пропасти.

Самое значительное после Второй мировой войны геополитическое событие, имевшее место после восьмилетнего правления президента Рональда Рейгана, называли «дурной удачей». Но, может, лучше было бы все же вспомнить слова Наполеона, произнесенные им, когда его офицеры назвали победу нелюбимого ими коллеги «дурной удачей». Он тогда сказал: «Дайте мне сюда побольше генералов, имеющих «дурные удачи».

Кризис ресурсов, перед которым встало советское руководство 80-х годов, возник вовсе не из-за американской политики в 80-е годы; он неизбежно вытекал из самой системы. Од-

нако Соединенные Штаты Америки, как об этом стало недавно известно, проводили всестороннюю политику, усиливавшую этот кризис. Такая политика проводилась по-разному: с помощью закулисных дипломатических приемов, тайных сделок, гонки вооружений, в ходе которой достигался все более высокий технический прогресс. Все это, а также многие другие акции имели своей целью подорвать основы советской экономики. Кроме того, Вашингтон делал высокие ставки на то, чтобы отделить советские периферии, остановить развитие коммунизма не только в странах «третьего мира», но также и в сердце империи.

Без сомнения, Рональд Рейган не пылал любовью к марксизму-ленинизму и советскому «эксперименту». Он верил, что коммунистическое правление вовсе не «всего лишь другая форма правления», как это назвал Джордж Кеннан, но чудовищное заблуждение. «Президент Рейган был глубоко убежден, что Советский Союз не выживет, что он не сможет выжить, — вспоминал Джордж Шульц. — Это убеждение вовсе не вытекало из глубокого знания проблем Советского Союза, а лишь было чисто интуитивным». Это мнение высказано не постфактум, а вполне объективно.

Убежденность Рейгана в изначальной слабости советской системы нашла свое выражение в проводимой им политике. Администрация Рейгана хотела использовать слабости Советского Союза в собственных стратегических целях. В начале 1982 года президент Рейган вместе с несколькими главными советниками начал разрабатывать стратегию, основанную на атаке на главные, самые слабые места политической и экономической советской системы. «Для этих целей, — вспоминает Каспар Уайнбергер, — была принята широкая стратегия, включающая также и экономическую войну. Это была супертайная операция, проводимая в содействии с союзниками, а также с использованием других средств».

Началось стратегическое наступление, имеющее своей целью перенесение центра битвы супердержав в советский блок и даже в глубь самой Страны Советов. Цели и средства этого наступления были обозначены в серии секретных директив по национальной безопасности (NSDD), подписанных президентом Рейганом в 1982 и 1983 годах, — официальных докумен-

тах президента, направленных советникам и департаментам, касающихся ключевых проблем внешней политики. Как всегда в таких случаях, они шли под грифом «совершенно секретно». Эти директивы по многим аспектам означали отказ от политики, которую еще недавно проводила Америка. Подписанная в марте 1982 года «NSDD-32» рекомендовала «нейтрализацию» советского влияния в Восточной Европе и применение тайных мер и прочих методов поддержки антисоветских организаций в этом регионе. Принятая Рейганом в ноябре 1982 года «NSDD-66» в свою очередь объявляла, что цель политики Соединенных Штатов — подрыв советской экономики методом атаки на ее «стратегическую триаду», т. е. на базовые средства, считавшиеся основой советского народного хозяйства. Наконец, в январе 1983 года Рейган подписал «NSDD-75», в которой Соединенным Штатам рекомендовалось не только сосуществование с советской системой, но и фундаментальные ее изменения. Некоторые из этих директив имели своей целью проведение Америкой наступательной политики, результатом которой должно быть ослабление советской власти, а также ведение экономической войны, или войны за ресурсы.

Если говорить о реализации стратегии, то задачи были очень просто разделены. Не вдававшийся в детали Рейган принял решение, куда должен вести этот путь. Совет национальной безопасности прокладывал рельсы, а Уильям Кейси и Каспар Уайнбергер следили за тем, чтобы поезд достиг станции назначения.

Поскольку значительная часть этой стратегии основывалась на ведении тайных операций, директор ЦРУ Кейси стал одним из главных руководителей. Он был самым могущественным директором ЦРУ в истории Америки и имел круглосуточный доступ к президенту. Поскольку существовала необходимость ведения тайных операций, Кейси мог позволить себе вмешиваться во внешнюю политику, что по давней традиции принадлежало другим членам кабинета. «У Кейси словно был свой собственный государственный департамент и департамент обороны, — вспоминает Гленн Кемпбелл, возглавлявший президентский Совет по делам разведки в восьмидесятые годы. — Он был везде, занимался всем. «Директор ЦРУ» — это лишь название должности, ничего не говорящее о том, как на практике действительно осуществлялись функции Кейси».

Большая часть деятельности Кейси была покрыта тайной, — даже для отдельных советников самого президента. «Мы никогда не знали, что в данный момент предпринимает Билл Кейси, — вспоминал Ричард Аллен, являвшийся главным советником Рейгана по национальной безопасности. — У него был свой неуловимый черный самолет, в котором он мог жить. Он летал по всему миру, делая все, что только можно себе вообразить. Порой даже президент не знал, где он находится в настоящий момент».

Именно Кейси держал в руках приводные ремни главных действий, связанных со стратегией Рейгана, включая тайные операции в Польше, Чехословакии, Афганистане. «Он делал все, что мог, чтобы досадить Советам, — вспоминает Дональд Риган, хорошо его знавший, который тогда был министром финансов в правительстве Рейгана, а также руководителем аппарата Белого дома. — Он постоянно думал об этом, он был просто помешан на этом».

Этот «пунктик» у Кейси был не так уж нов. Он имел свои корни в событиях Второй мировой войны, когда Кейси работал в Ведомстве стратегических служб (Office of Strategic Services). По глубокому убеждению Кейси, советский коммунизм являлся не столь уж новой угрозой, он был весьма подобен тому режиму, который создали гитлеровцы. «Своей задачей он считал продолжение всего того, что ему не удалось свершить после Второй мировой войны, — говорил Алан Фирс, в течение долгого времени (до середины восьмидесятых) принимавший участие в операциях на Аравийском полуострове, после чего был переведен в Центральную Америку. — Смысл своей деятельности на посту директора он видел лишь в продолжении борьбы».

Существенную роль в описываемых событиях сыграл Каспар Уайнбергер, многолетний сотрудник и друг Рейгана. Уайнбергер очень ценил технические новшества и не любил коммунизм. В его представлении достижения в развитии техники давали Америке явное преимущество, которое нужно было использовать с целью ослабления советского народного хозяйства. «Замысел заключался в том, чтобы делать ставку на нашу силу и их слабость, — вспоминал Уайнбергер. — А это означало — делать ставку на экономику и технологию». Это означало также смену приоритетов в военном соперничестве.

ве Восток — Запад, делая ставку не на количество, а на качество. Уайнбергер верил, что американский технический прогресс в области вооружений, если его не сдерживать, не даст Москве никаких шансов. В строго секретных документах Пентагона Уайнбергер писал об этом, как о форме экономической войны. Он знал слабые места советской системы и хотел это использовать.

Систему вооружений Уайнбергер планировал строить не на простом увеличении ее финансирования. Не менее важным было то, как будут использоваться деньги, а не только то, сколько их будет потрачено. Как считал генерал Махмут Ахматович Гареев, Москву беспокоило то, что рост вооружения «неожиданно стал интенсивнее... в доселе невиданных темпах и формах».

Уайнбергер также полагал, что Советский Союз не выживет без кредитной и технической помощи Запада. При каждом удобном случае он нажимал на то, чтобы как можно эффективнее ограничить связи между Западом и Востоком.

Кейси и Уайнбергер были двумя выдающимися фигурами, реализовавшими стратегию Рейгана. Они были членами первого кабинета Рейгана и остались с президентом на второй срок его полномочий. Наиболее значительную роль в формулировании стратегии сыграл Совет национальной безопасности. Советник по делам национальной безопасности, многолетний друг Рейгана Уильям Кларк, не имел права принимать решений в вопросах иностранной политики, но имел к ней доступ и курировал создание проектов наиважнейших элементов стратегии. Члены Совета национальной безопасности Джон Пойндекстер, Роберт Макфарлейн, Роджер Робинсон, Ричард Пайпс, Билл Мартин, Дональд Фортъе и Винсент Каннистаро сыграли решающую роль в формулировании принципов стратегии. Макфарлейн и Пойндекстер, принявшие после Кларка на себя руководство делами национальной безопасности, во время второго срока полномочий Рейгана воплощали в жизнь важнейшие элементы стратегии в неизменной форме.

Стратегия была создана и стала проводиться в жизнь в самом начале деятельности Рейгана на посту президента, а закончилась в 1987 году из-за тяжелой ситуации, создавшейся в результате иранских событий, из-за ухода с ключевых по-

стов отдельных деятелей и разногласий в самой администрации. Стратегия была направлена против ядра советской системы и содержала в себе:

— тайную финансовую, разведывательную и политическую помощь движению «Солидарность» в Польше, что гарантировало сохранение оппозиции в центре Советской империи;

— значительную военную и финансовую помощь движению сопротивления в Афганистане, а также поставки для моджахедов, дающие им возможность распространения войны на территорию Советского Союза;

— кампании по резкому уменьшению поступления твердой валюты в Советский Союз в результате снижения цен на нефть в сотрудничестве с Саудовской Аравией, а также ограничение экспорта советского природного газа на Запад;

— всестороннюю и детально разработанную психологическую войну, направленную на то, чтобы посеять страх и неуверенность среди советского руководства;

— комплексные акции мирового масштаба с применением тайной дипломатии, с целью максимального ограничения доступа Советского Союза к западным технологиям;

— широко организованную техническую дезинформацию с целью разрушения советской экономики;

— рост вооружений и поддержание их на высоком техническом уровне, что должно было подорвать советскую экономику и обострить кризис ресурсов.

Проектом стратегии и его внедрением занималось всего несколько членов Совета национальной безопасности и кабинета министров. «Немногие из этих инициатив обсуждались на заседаниях кабинета, — вспоминал Кларк. — Президент принимал решение в присутствии двух или трех советников». Например, секретарь Госдепартамента Джордж Шульц узнал о СОВСЕ всего за несколько часов до ее обнародования. То, что Соединенные Штаты оказывали тайную помощь «Солидарности», было известно лишь нескольким членам Совета национальной безопасности. Важное решение о помощи моджахедам, которая должна привести к военным действиям на территории Советского Союза, никогда не обсуждалось членами кабинета. Президент посоветовался лишь с Кларком и Кейси и затем принял решение.

Большая часть литературы на тему американской политики и конца «холодной войны», включая также «The Turn» Дона Обердорфера и «At the Highest Levels» Майкла Бешлоса и Штроба Тальбота, посвящена почти исключительно тонкостям дипломатии. Такой подход больше говорит об авторах данных книг, чем об администрации Рейгана. Сам Рейган вообще не считал, что соглашением о контроле над вооружением или международными договорами можно измерить успехи его внешней политики. Он посвящал не так уж много времени большинству соглашений о контроле над гонкой вооружений; сражение между Востоком и Западом ему виделось как великая битва между Добром и Злом.

В этой книге не делается попытка вновь углубиться в описание дипломатии и контроля над гонкой вооружений в период, опережающий окончание «холодной войны». Здесь также не будет описания отношений Соединенных Штатов и Советского Союза в критический период. Хотелось бы лишь рассказать о тайных мерах наступления на экономическом, геополитическом и психологическом фронте, имевших своей целью подрыв и ослабление советского могущества.

Хотелось бы, однако, сделать все же и такое замечание. Как писал Кен Аулетт: «Ни одному репортеру не удастся со стопроцентной точностью восстановить события прошлого. Память участников тех событий выкидывает разные штуки, особенно, когда они смотрят на те события, заранее зная об их развязке. Репортер старается избежать неточностей в подаче материала, пользуясь многими источниками информации. И все же было бы хорошо, если бы и читатели, и автор были снисходительны к этим недостаткам журналистики».

Глава 1

РЕЙГАН ДЕЛАЕТ СТАВКУ НА ТАЙНЫЕ ОПЕРАЦИИ В БОРЬБЕ С СССР

Январь 1981 года был в Вашингтоне особенно лют. Сыпал колючий снег, от реки Потомак дул резкий ветер. Однако в столице царил довольно горячее оживление, всегда сопровож-

давшее ожидание смены правительства. Чуть ли не через два дня после своей инаугурации в качестве президента, Рональд Рейган вызвал в Овальный кабинет Уильяма Кейси, назначенного на должность директора ЦРУ. Это было по многим причинам весьма необычно, что он встречался с президентом тет-а-тет сразу после восхождения того на свой пост. Кроме всего прочего, еще не был утвержден бюджет и сделаны не все назначения. Новое правительство ставило в центр своего внимания экономику. Рональд Рейган, однако, встречался теперь не просто с директором департамента разведки, а с близким советником, которому доверял.

Это доверие находило свое выражение во время всей предвыборной кампании. Когда комитет по выборам Рейгана развалился и в нем воцарился хаос, эту кампанию в январе 1980 года возглавил именно Кейси. «Многие забывают, что начало 1980 года было для Рейгана не самым выигрышным, — вспоминает Ричард Аллен, советник Рейгана по национальной безопасности. — Билл Кейси помог переломить ход событий». Во время всей кампании Рейган прислушивался к советам Кейси. Теперь он отдавал себе отчет, что своим присутствием в Овальном кабинете он обязан менеджерским талантам и политической смекалке Билла Кейси. «Рональд Рейган чувствовал себя должником Билла Кейси, так же как и каждый победивший лидер чувствует себя должником тех, кто обеспечил ему победу», — сказал Мартин Андерсон, советник Рейгана во время предвыборной кампании. Однако по прошествии нескольких недель после выборов 1980 года, когда все лучшие места были заняты, Кейси почувствовал себя, пожалуй, разочарованным. Ему казалось, что доверие и то, что их связывало, принесет ему, как минимум, должность госсекретаря, о которой он мечтал. Но Рейган выбрал Александра Хейга, бывшего главнокомандующего НАТО, умевшего чувствовать пульс событий, человека быстрого, дисциплинированного ума. Хейг не принадлежал к близкому окружению Рейгана и не сыграл в его предвыборной кампании никакой роли. Он также не был ни его другом, ни почитателем. Однако он располагал необходимыми для этой должности качествами: опытом и представительностью.

Когда в конце ноября президент наконец вызвал Билла Кейси и предложил ему должность директора ЦРУ, то стало ясно, что надежды бывшего руководителя избирательной кампании не оправдались. Как правило, директор ЦРУ реализовывал принципы политики, сам не будучи ее создателем. Он редко становился членом узкого правительственного совета. Как правило, он никогда не был на вершине власти. Директор ЦРУ обычно лишь исполнял то, что было непосредственно связано с работой разведки. Так что, когда Рейган предложил ему эту должность, Кейси ответил: «Подумаю и дам ответ».

Чем больше он раздумывал над этим, тем более неприемлемой казалась предложенная ему должность. Он был от нее отнюдь не в восторге. У него была бездна планов и проектов, вместе с тем он знал, что в возрасте шестидесяти восьми лет у него, пожалуй, больше не будет шанса еще раз оказаться в высочайших правительственных кругах. Однако он решил как можно лучше использовать шанс, данный ему Рейганом, и войти в круг людей, принимающих политические решения.

Через несколько дней после сделанного ему предложения Кейси позвонил президенту и сообщил, что согласен принять эту должность, но при трех условиях, прибавив, что эти условия не подлежат обсуждению.

Во-первых, он желал получить ранг члена кабинета и участвовать в заседаниях, принимающих решения по внешней политике.

Вторым условием было выделение для него кабинета в Белом доме. Ему хотелось иметь легкий и быстрый контакт с персоналом Белого дома и президентом, а не жить в изгнании в Лэнгли. В политике, так же как и в торговле недвижимостью, важнее всего локализация. Он мог бы тогда без предупреждения входить в Овальный кабинет и иметь неофициальное влияние на политику. Однако кабинет в Белом доме был нужен ему еще по одной причине. Вот что говорит обо всем этом Мартин Андерсон, член президентского Совета по делам внешней разведки: «Собственный кабинет и секретарша на третьем этаже Old Executive Office Building (ОЕОВ) означали, что Кейси мог легко вести тайные беседы с любым членом Совета национальной безопасности. Он также мог использовать свой кабинет для встреч втайне от собственного

персонала. Телефонные разговоры, которые он вел из Белого дома, — и тогда, когда он звонил сам, и тогда, когда звонили ему, — имели характер личный и никогда не прослушивались и не регистрировались, в отличие от разговоров, которые велись из здания ЦРУ».

Третье, и последнее, условие — «открытая дверь». Кейси просил президента гарантировать ему непосредственный доступ в Овальный кабинет в любой момент. «Ему не нужно было чье-либо посредничество, чтобы разговаривать с президентом, — говорит Герб Мейер, специальный ассистент Кейси в ЦРУ. — Он сам хотел звонить президенту и лично встречаться с ним в любой момент».

Рейган сразу же согласился на условия Кейси. В это мгновение родился самый влиятельный директор ЦРУ в истории Америки. Как официально, так и неофициально, он оказался в центре внешней политики. Согласие президента гарантировало ему место в кабинете, так же как и членство в очень многочисленном Совете национальной безопасности. А важнее всего было то, что он стал членом Рабочей группы по делам национальной безопасности (National Security Planning Group, NSPG), которая вскоре была сформирована. Эта группа обладала реальной властью в области внешней политики. В состав NSPG входил президент, вице-президент, руководители Госдепартамента и министерства обороны, а также советник по делам национальной безопасности. Ее членом должен был стать также Уильям Кейси.

Но кроме власти в правительстве, которой он должен обладать, и кабинета в Белом доме, Кейси располагал еще одним важным атрибутом, благодаря которому мог стать самым влиятельным директором ЦРУ в истории Америки, — близкие отношения с президентом. Эта деталь должна была оказать самое значительное влияние на карьеру Кейси. «Это было родство душ, — говорил Герб Мейер. — Американцы ирландского происхождения, пережившие Великий Кризис, имевшие одинаковое мировоззрение, они встречались по два раза в неделю в течение всего срока президентства Рейгана, и, как правило, с глазу на глаз. Часто разговаривали по телефону. Советники по делам национальной безопасности приходили и уходили, а Билл Кейси по-прежнему прочно сидел в своем

кресле. Он был самым влиятельным директором ЦРУ в истории Америки». Кейси, Аллен, Уайнбергер при поддержке президента и решили бросить вызов Советскому Союзу.

После знакомства со штабом в Лэнгли, Кейси нырнул на заднее сиденье темно-синего, пуле- и бомбонепробиваемого «Олдсмобила-98» без номеров, выделенного ему ЦРУ для этой встречи с президентом в конце января. Машина была набита охраной. У сидящего рядом с водителем охранника был короткий карабин и револьвер «магнум». Под рукой у Кейси было несколько телефонов, соединявших его со штабом в Лэнгли, Белым домом, телефон для прочих разговоров с противоподслушивающим устройством. За «Олдсмобилем» ехала машина службы безопасности с четырьмя охранниками, вооруженными самозарядными револьверами «магнум» и автоматическими пистолетами «узи», спрятанными в больших сумках. Проехав два квартала от перекрестка Шестнадцатой стрит с авеню Пенсильвания, водитель позвонил охране Белого дома, предупреждая, что «Барон» (такой псевдоним был у Кейси) скоро прибудет.

Не желая опаздывать на встречу с президентом, Кейси поспешно поднялся в Белый дом через черный вход. Он шел, слегка наклонясь, размахивая руками. Под мышкой у него было несколько папок, в руке — вечное перо. Охранники старались не отставать от него. Он быстро вошел в Белый дом. Часть персонала служб безопасности лишь теперь имела возможность увидеть главного шпиона Рейгана. Пряди белых волос на лысоватой голове, очки в металлической оправе, обезоруживающее милое лицо пожилого человека, находящегося на пенсии. Он просто не вписывался в свою роль. Но его внешний вид лишь на минуту мог обмануть как друзей, так и врагов. Лишь только он открывал рот, все могли убедиться, что имеют дело с быстрым и острым как бритва интеллектом. После короткого разговора с Ричардом Алленом и советником президента Эдвином Мизом Кейси пошел на встречу с Рейганом.

В Овальном кабинете он крепким пожатием руки поздоровался с президентом. Они обменялись любезностями, а также парой ирландских анекдотов и быстро перешли к делу. Рейган, плохо слышавший на одно ухо, напрягавший слух даже с отчетливо разговаривающими собеседниками, часто просил, чтобы они говорили громче. Можно себе представить, сколь-

ко у него было проблем с Кейси с его невыразительной речью и странным говорком! (Рейган часто шутил, что Билл Кейси — первый директор ЦРУ, чьи доклады не нужно кодировать). Во время предвыборной кампании Кейси научился одной очень важной вещи, и это чрезвычайно пригодилось ему позже. А именно: он всегда старался держаться как можно ближе к президенту, чтобы тот мог его слышать.

Проблемы Рейгана со слухом и невнятная артикуляция Кейси стали позже предметом для многочисленных сомнений, действительно ли президент понимал все то, что говорил ему Кейси. Один из бывших советников по делам национальной безопасности вспоминает: «Порой мы задумывались, а все ли понимает президент из того, что говорит Билли, и перед какими решениями ставит страну одним кивком головы».

Папки Кейси лопались от карт и чертежей, приготовленных для нового руководителя. Он также принес отчеты разведки о советской экономике. «Господин президент, — сказал Кейси, — хочу посвятить это время новой информации о положении русских. У них там тяжелая ситуация и постоянная борьба с трудностями». Он дал президенту данные о самых наибольших трудностях, тормозящих развитие производства, дефицитах, а также анекдотическую информацию, извлеченную из разведывательных рапортов. Он также предоставил диаграммы роста и уменьшения поступлений твердой валюты в Советский Союз. «Ситуация хуже, чем мы себе представляли, — сказал он. — Я хочу, чтобы вы сами увидели, насколько больна их экономика и насколько легкой мишенью они могут являться. Они обречены. В экономике полный хаос. В Польше восстание. Они застряли в Афганистане, Кубе, Анголе и Вьетнаме; для них самих империя стала грузом. Господин президент, у нас есть исторический шанс — мы можем нанести им серьезный ущерб. Я хочу еженедельно представлять вам материалы разведки — неотфильтрованные, о том, что там происходит. Я также готовлюсь к более широкомасштабному исследованию относительно наших возможностей и того, как мы можем их максимально использовать».

На протяжении всего времени, когда он был директором ЦРУ, Кейси каждую пятницу представлял президенту обещанные материалы. Эта практика имела огромное влияние на от-

ношение Рейгана к Советскому Союзу. Регулярное ознакомление президента Соединенных Штатов с материалами разведки было беспрецедентным. Этот факт имел решающее значение для формирования его мнения о слабых местах Советского Союза. Когда в 1982 году советником по национальной безопасности стал Уильям Кларк, поток разведывательной информации возрос еще больше. «Президент любил читать материалы разведки о советском народном хозяйстве, — вспоминал Джон Пойндекстер. — Особенно их анекдотическую часть, о заводах, простаивавших из-за отсутствия запчастей, об отсутствии твердой валюты, об очередях за продуктами питания. Это его интересовало больше всего, а также помогало утвердиться во мнении, что у советской экономики огромные проблемы». Это мнение подтверждают и записи в личном дневнике Рейгана. Запись от 26 марта 1981 года гласит: «Информация о советской экономике. Советы в очень плохом положении. (Если мы воздержимся от кредитов, они будут просить помощи у «дяди», потому что в противном случае умрут с голода».) Рапорты разведки подбирал лично Кейси и работники Совета национальной безопасности, после чего материалы передавались президенту.

Президент слушал Кейси около двадцати минут, потом сказал: «Билл, может, ты выскажешь свое мнение на заседании Рабочей группы по делам национальной безопасности?» Так впервые на собрании группы 30 января обсуждалась тема тайных наступательных операций против Советского Союза. Членами группы в то время, кроме президента, были: вице-президент Буш, Каспар Уайнбергер, Александр Хейг, Уильям Кейси и Ричард Аллен. Советский Союз все больше увеличивал воинский контингент в Афганистане: там в то время находилось 89 тысяч солдат. Многочисленные советские дивизии окружали Польшу, создавая угрозу вторжения. Западная Европа, казалось, совсем этим не интересовалась и выделяла Москве кредиты на строительство огромного газопровода.

Вся Рабочая группа по делам национальной безопасности единодушно признавала, что существует необходимость увеличения бюджета на повышение обороноспособности страны. Именно это направление избрало еще правительство Картера после советского вторжения в Афганистан. «Все были соглас-